

Татьяна Владимировна Краюшкина¹
kvtbp@mail.ru

МОТИВ *КРОВЬ* КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье исследуется мотив *кровь* как средство манипуляции сознанием в русских народных песнях периода Гражданской войны. Были проанализированы 345 текстов, зафиксированных на территории Сибири и Дальнего Востока в 1918—1971 гг. Устное народное творчество рассматривается не только в качестве системы знаний о разных сферах человеческого бытия, комплекса морально-нравственных установок, уникальной художественной сферы, но и в роли инструмента, обладающего значительным потенциалом для формирования и внедрения новых ценностей. В научном плане фольклорный материал имеет большую значимость для исследования суггестивного воздействия. Цель данной статьи сводится к выявлению специфики использования мотива *кровь* в песнях периода Гражданской войны как средства речевой манипуляции народным сознанием. Анализируются частотность употребления мотива и его семантическая наполненность как способы массового суггестивного воздействия. Кровь характеризуется через её принадлежность разным социальным классам, место истечения, цвет, пребывание в движении, температуру, объём. Функции крови сводятся к шести: она связана с функцией жертвы (57%), платы (24,6%), мести, возмездия (8,7%), указывает на родство или выполняет функцию родства (3,5%), связана с эмоциями (3,5%), указывает на возраст (0,8%). В статье делаются выводы о том, что песни периода Гражданской войны, благодаря активно используемому лексико-семантическому приёму речевой манипуляции, в котором значительное место отводится часто употребляемому мотиву *кровь*, не только поднимали боевой дух народа, но и формировали восприятие Красного движения как единственно верной политической позиции.

Ключевые слова: песенный фольклор, русские народные песни, Гражданская война, кровь, манипуляции, суггестия, Сибирь, Дальний Восток.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Tatiana V. Krayushkina²

kvtbp@mail.ru

THE MOTIVE OF BLOOD AS A MEANS OF MANIPULATING CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN FOLK SONGS OF THE CIVIL WAR OF SIBERIA AND THE FAR EAST

The article explores the blood motif as a means of manipulating consciousness in Russian folk songs of the Civil War period. As a material for analysis, 345 texts recorded in Siberia and the Far East in 1918–1971 were used. Oral folklore is considered not only as a system of knowledge about different spheres of human life, a set of moral principles, a unique artistic sphere, but also as a one with significant potential for the formation and implementation of new values. In scientific terms, folklore material is of great importance for the study of suggestive effects. The purpose of this article is to identify the specifics of using the blood motive in the songs of the Civil War period as a means of manipulating popular consciousness. The frequency of motive use and its semantic content as ways of mass suggestive impact on consciousness are analyzed. As a characteristic of blood, emphasis is placed on blood belonging to different social classes, and the place of blood flow, its color, movement, temperature, volume are used. Blood functions come down to six: it is associated with the function of the victim (57%), pay (24.6%), revenge, retaliation (8.7%), indicates kinship, or performs a kinship function (3.5%), is associated with emotions (3.5%), indicates age (0.8%). It is concluded that the songs of the Civil War period, thanks to the widely used lexico-semantic method of verbal manipulation, in which the frequently used motive is given a lot of blood, not only raised the morale of the people, but also contributed to the formation of perception as the only true political position of the red movement.

Keywords: song folklore, Russian folk songs, Civil War, blood, manipulations, suggestion, Siberia, Far East.

Устное народное творчество традиционно позиционируется фольклористами как система знаний о разных аспектах человеческого бытия, комплекс морально-нравственных установок, особая художественная сфера, воплощённая в совокупности жанров, сюжетно-образного фонда и средств поэтики, работающих на реализацию этнической уникальности каждого народа. Но фольклор может быть исследован и как мощное средство формирования сознания благодаря его массовому воздействию.

Устное народное творчество обладает уникальной способностью создавать, сохранять и транслировать модели правильного и неправильного поведения людей в зависимости от национальности, половой принадлежности, возраста, социального статуса, — а также нормы восприятия одного человека другим. Таким образом (наряду с обучением в тех или иных реальных жизненных ситуациях) и происходит усвоение способов взаимодействия между людьми, среди которых не последнее место занимают

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

манипулятивные технологии и — в меньшей мере — способы противодействия им. Вот почему фольклорный фонд обладает значительным ресурсом формирования и внедрения новых ценностей, а в научном плане имеет большой потенциал как материал для исследования суггестивного воздействия.

А.В. Колистратова, обращаясь к анализу современных англо-американских фольклорных текстов, утверждает, «что современное словесное народное искусство, рождающееся в новом коммуникативном пространстве, обладает некоторым лингвистическим механизмом, позволяющим осуществлять процесс манипуляции национальным сознанием» [6, с. 81]. На наш взгляд, это заключение актуально для фольклора в целом, а не только для его современных форм.

Цель данной статьи — выявление специфики использования мотива *кровь* в песнях периода Гражданской войны в качестве средства манипуляции народным сознанием.

Материалом для написания работы послужили 345 песен, зафиксированных на территории Алтайского, Красноярского, Приморского, Хабаровского краёв, Амурской, Иркутской, Читинской областей, Бурятской АССР в период с 1918 по 1971 г. Нами было выделено сложное семантическое поле *Гражданская война*, включающее в себя значительное число компонентов; одни из них количественно преобладают над другими. Безусловно, лидирует цветовое различие *своих* и *чужих*: *о красных* и производных от этого слова понятиях упоминается в 189 песнях; *о белых* и производных от него — в 87. Широко представлены семантические подгруппы *кровь* (в 133 песнях) и *слёзы, плач* (в 38 песнях). Часто используется *солярная символика*: *солнце, звёзды, луч, рассвет* и т.п. (в 109 песнях).

О враге говорится в 134 текстах, *бое* с ним — в 107, *борьбе* — в 32, *войне* — в 27, *битве* — в 22. Для песен периода Гражданской войны значима установка *на победу*, данное понятие встречается в 44 текстах, при этом нет упоминаний о поражении красных. Не придаётся и большого значения *подвигу* (о нём упоминается лишь в трёх песнях). Видимо, это объясняется перманентной установкой на победу, когда последняя воспринимается более обыденно, как норма, а не как нечто из ряда выходящее. Д.М. Уджуху и Г.А. Осипов, исследуя тактики реализации принципа суггестии в рекламной коммуникации, приводят ряд психологических теорий, и среди них значимой представляется следующая: «Человек действует, опираясь на те мысли, которые были навязаны ему заранее извне» [10, с. 135]. Думается, эта модель стандартна для суггестии во всех сферах жизнедеятельности. Потому другая сторона в песнях — это *враг*, с которым вступать *в бой, битву, борьбу* — единственно верная модель взаимодействия; *врага* необходимо уничтожить, не должно быть и мысли о возможности услышать его, договориться, перейти на его сторону. А.В. Колистратова пишет о том, что манипулятор для скрытого воздействия на сознание внедряет «в психику манипулируемого цели, мнения, установки» [6, с. 85]. Активно внушаемые с помощью пропаганды, где

не последнее место отводилось песенному фольклору, цели революционеров — уничтожить их врага — становились целями рабочих и крестьян.

В песни исследуемого периода включается группа значимых для традиционной культуры понятий, при этом у них наблюдается не только сохранение известной для народного творчества семантической наполненности, но и новое осмысление. Речь идёт о таких понятиях, как *сердце* (53 песни) и *душа* (14), *счастье* (23) и *доля* (15), *правда* (19) и *кривда* (1). Из понятий, вошедших в песенный фольклор благодаря революционным событиям начала XX в., используются *труд*, *работа* (в 39 текстах), *земля* (35), *власть* (27), *братство* (18), при этом *равенство* как ценность позиционируется крайне редко (5).

Е.А. Бармина, изучая лингвистический аспект информационной войны, определяет функцию языка следующим образом: «Язык как средство коммуникативного воздействия на массовое сознание позволяет не только описывать какие-либо события или объекты, но и интерпретировать их, задавая нужное адресанту видение мира, навязывая положительную или отрицательную оценку и т.п.» [1, с. 4]. Вот это *нужное* революционерам видение мира и транслировалось в песнях периода Гражданской войны через выделенные нами выше компоненты семантического поля *Гражданская война*.

Из 345 проанализированных текстов в 133 (38,55%) упоминается о крови или однокоренных понятиях. Следует обратить внимание на частотность употребления понятий как один из значимых признаков манипуляции сознанием. *О крови* по одному разу сообщается в 56 песнях, дважды — в 13, трижды — в 2, четырежды — в 3. По одному разу используется понятие *кровь* и одно однокоренное ему слово или словосочетание с однокоренным понятием в 20 песнях (*кровавый бой* (встречается дважды), *место кровавое* (встречается дважды), *пятна кровавые* (встречается дважды), *кровожадное войско*, *кровавая рука*, *он окровавленный*, *кровавая расправа*, *кровопийцы*, *кровавый покос*, *кровавая борьба*, *кровавые годы*, *кровожадная рать*, *птицы кровожадные*, *кровавое дело*, *палач кровавый*); в 1 песне дважды упоминается *кровь* и один раз — словосочетание с однокоренным прилагательным (*пятно кровавое*); в 1 песне — один раз *кровь* и дважды словосочетания с однокоренными прилагательными (*крыло кровавое* и *кровавая борьба*; *атаман кровавый* и *палач кровавый*); в 1 песне пять раз упоминается *кровь* и один раз — словосочетание с однокоренным прилагательным (*кровавые поля*); в 3 песнях — *кровь* и один раз словосочетание с однокоренным прилагательным (*кровавое возжеленье*).

В 30 песнях используется по одному разу только однокоренное существительное или словосочетание с однокоренным прилагательным (*кровавый бой* — в 7, *кровавая битва* — в 5, *кровавая борьба* — в 2, *кровавая схватка* — в 2, *кровавая спайка* — в 1, *кровавый поход* — в 1, *палачи-кровопийцы* — в 1, *кровожадная рать* — в 1, *Атланта кровожадная* — в 1, *кровосос-паук* — в 1, *кровавая добыча* — в 1, *кровавое золото* — в 1, *кровавые дела* — в 1, *кровавый угар* — в 1, *кровавое сражение* — в 1, *кровавый*

хмель — в 1, палач кровавый — в 1, зверь кровожадный — в 1). В 3 песнях дважды используются два словосочетания с однокоренными словами (*кровожадные птицы* и *кровожадные враги*; *кровавая расправа* и *кровавый каратель*; *кровавый бой* и *бой кровавый*). В 1 песне используется три словосочетания с однокоренными прилагательными (дважды — *кровавый бой* и единожды — *кровавая добыча*).

В семантическом поле *Гражданская война* как выражение страдания в паре с *кровью* выступают слёзы. В ряде песен эти понятия используются одновременно. По одному разу о *крови* и *слезах* упоминается в 7 песнях; о *слезах* и однокоренных *крови* понятиях — в 5 (*кровавая битва*, *кровавая борьба*, *кровавое дело*, *птицы кровожадные*); в 5 — один раз о *слезах* и дважды о *крови*; в 1 — один раз о *слезах*, один раз о *крови*, один раз встречается однокоренное прилагательное (*кровавая расправа*); в 2 — один раз о *крови* и дважды о *слезах*; в 1 — один раз о *слезах* и четырежды о *крови*.

Итак, в песнях анализируемого периода часто говорится о *крови*. Кому она принадлежит, как характеризуется, какие функции ей приписываются? Следует отметить, что не вся кровь, о которой упоминается в песнях, имеет характеристики (подобное встречается в 55 текстах), но из контекста понятно, что это кровь преимущественно представителей Красного движения и близких им людей.

Чуть меньшее количество песен (54) содержит характеристики крови. Основная из них — её принадлежность разным категориям людей: *своим* или *чужим*. Причём это деление осуществляется не по национальному признаку, присущему традиционной культуре, где русские были *своими*, а представители иных национальностей — *чужими*; нет, в песнях периода Гражданской войны транслируется уже иная, новая, модель оценки, основанная на принадлежности человека к определённому социальному классу. При описании крови активно используются местоимения, слова с семантикой родства или принадлежности к конкретному общественному слою. Она может быть *наша*, *его*, *своя*, *та*, *твоя*. Из терминов родства, определяющих это понятие, нами было встречено указание на братские отношения, перенесённые на представителей народа, не являющихся кровными родственниками: *братьев*, *братская*. Кровь может быть *родной*. Встречаются и усложнённые определения, сочетающие местоимения и указание на родство: *родная для меня*, *страны родимой*, *наша братская*, *своих братьев*, *братьев суровой Сибири*. Показательно, что наименование крови как *чужой* в проанализированном материале не выявлено.

А.И. Герцен и Н.П. Огарёв в 1864 г. писали о восприятии русского народа своими оппонентами и собственном видении: «Для васъ русский народъ преимущественно народъ православный, т.е. наиболее христіанскій, ближайшій к вѣси небесной. Для насъ русский народъ преимущественно социальный, т.е. наиболее близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной вѣси, къ которой стремятся все социальныя ученія» [8, с. 1566]. И эта мысль нашла своё подтверждение спустя пять с лишним десятков лет в песенном фольклоре. Если

количественно оценивать использование слов, описывающих кровь с позиции социального класса, то разнообразнее и чаще речь идёт о крови представителей Красного движения. Она именуется *народной, рабочего движения, рабочих, пролетарская рабочая, рабочих масс, мужика, героев*. Значимым описанием является указание на принадлежность крови жертвам. Из текстов видно, что вся *невинная, невинных, потоков страдания, невинной стороны* кровь относится к красным и близким им по социальному классу людям. В.И. Даль приводит пословицу о крови: «*Вино-ватого кровь — вода, а невинного — беда*» [3, с. 196]. Говоря о невинной крови, агитаторы используют один из значимых приёмов суггестии. А.В. Колистратова характеризует его следующим образом: «Манипулятор апеллирует к чувствам и эмоциям слушателя, создавая в его сознании параллельную связь с его собственным организмом, тем самым, производя наложение проблем общества на личные проблемы слушателя» [6, с. 84].

Кровь представителей Белого движения характеризуется как *дворянская, буржуйская*; при этом ей может не только приписываться указание на воинский чин её обладателя, но и даваться личностная негативная характеристика: *генеральская подлая*.

Крайне редко кровь классифицируется по национальному признаку, т.е. национальная принадлежность в песнях периода Гражданской войны перестаёт быть значимой. В одном из текстов герой упоминает, что в нём *течёт кровь азиат* (его мать была буряткой), т.е. наблюдается самоидентификация. В другой песне кровь называется *русской*. Непопулярной оказывается и принадлежность крови роду человеческому: лишь единожды встречаем сочетание *кровь людская*. Упоминание крови *православных* в проанализированных материалах не выявлено, т.е. вероисповедальный признак как объединяющее начало, признак *своих* в песнях периода Гражданской войны нивелирован.

Другие характеристики крови — место истечения (*из них* [людей], *из раны из груди моей, от ран, из раны*), цвет (*ала, как зорька ала*), пребывание в движении (*живая*), температура (*горячая своя, горяча, тепла*). Действия, приписываемые крови, также могут быть показателем её высокой (от неё *расплавятся снега*) или низкой (старика кровь *не греет*) температуры, утраты высокой температуры (*застывает на холодном снегу*). Приказ командира к наступлению вызывает у героев *закипание* крови, что символизирует высокие положительные эмоции от предстоящей битвы: *Закипела кровь героев, / Застучал восторг в груди, / Мы с приказом командира / Оказались в пути* [2, с. 80]; *Закипела кровь героев / И полна восторгов грудь* [2, с. 81].

Объём — ещё одна значимая характеристика. При его описании кровь может выступать субъектом или объектом. Если в традиционной песенной поэзии *ручьём, рекой* текут слёзы женщин, оплакивающих умершего сына, мужа, брата, то в песнях Гражданской войны так течёт кровь, причём выбирается метафора, отражающая максимальный объём. Таким образом делается акцент на большой урон, огромное количество жертв:

кровь разливается рекой, лилась рекой, полилась рекой, проливалась рекой, пролилась рекой, лилась как река, текла рекой, течёт рекой безбрежной. Реже упоминаются меньшие объёмы, но при этом содержится указание на интенсивность: *лилась, как струя, потоки пролиты, бежала потоками.* Единичны случаи, отражающие малую интенсивность (*каplet тихо*) или незначительный объём (*мало*) крови. Иногда характеристика истечения крови заложена только в семантике глагола (*сочилась, пролилась, лилась, снова полилась, продолжает литься, струится*).

Метафорически изображается и смертельное ранение героя, при этом обозначается часть тела: *кровь лилась с ноги рекой*. Но такое соединение — метафора + часть тела — встречается редко. Чаще используется описание смертельного ранения с указанием на место появления крови (*с ноги истекала, по волосам текла, из груди моей, струя из тела* [лёт], *от ран истекает*); её продвижение, которое может быть связано с одеждой (*лилась у него по шинели*); или достижение определённого локуса (*каplet на траву, сочится по земле*). Место или объект также могут являться характеристикой большого объёма крови (тела лежат *залитые кровью*, кровью *облитое тело*, крови *езде полно, залитый весь вокзал*, кровь *пропитала плаху*). В вышеперечисленных примерах речь идёт о крови самих персонажей, но есть единичные случаи изображения чужой крови на одежде героя (так, у медсестры *обрызган белый фартук* кровью раненых бойцов).

В одной из песен говорится о крови, которая течёт в героя (*во мне*), в этом случае она указывает на национальную принадлежность. Традиционные для русской культуры характеристики сердца как *залитого кровью* или сердца, которое *обливается кровью*, встречаются и в песнях анализируемого периода. Речь может идти и о женских, и о мужских эмоциях. Если в первом случае *залитое кровью сердце* говорит о переживаниях героини, вызванных предполагаемой бедой, произошедшей с её любимым, — т.е. о частной ситуации, личном горе; то во втором — мужское *сердце, облитое кровью*, указывает на иную причину: всеобщее горе, которое способна остановить мужская рука:

*Там горит, там загорается,
Там уж пепел лишь один,
Сердце кровью обливается,
Так бери ж винтовку, сын [2, с. 228].*

Ещё одна значимая характеристика крови — функция, которую она выполняет в тексте. Было выявлено шесть позиций, причём две из них доминируют над прочими: кровь связана с функцией жертвы (57%), платы (24,6%), мести, возмездия (8,7%), указывает на родство или выполняет функцию родства (3,5%), связана с эмоциями (3,5%), указывает на возраст (0,8%).

Первое место по количеству примеров занимает функция крови, связанная с жертвой (выявлено 67 примеров). Проанализированный материал

(55 примеров) даёт внушительный перечень жертв, чья кровь проливается. Среди них есть группы, объединённые по классовому (*рабочие, рабочие массы, наши братья*), территориальному (*страна родимая, народ страны родной*) признаку и по признаку принадлежности к участию в сражении на стороне красных (*павшие бойцы, борцы, солдаты, герои — лихие молодцы, три тысячи отважных, смелых*). Индивидуальные образы также популярны. Это известные лидеры партизанского движения в России, Сибири и на Дальнем Востоке (*Чапаев, Чуркин, Журавлёв, Лазо*), представители Красного движения (*коммунист, красный солдат, партизан молодой, партизан, моряк молодой*) или члены семьи (*муж, родной брат, двоюродные братья, дочь и жена*). В значительной группе примеров точно не обозначено, чьей является пролитая или проливаемая кровь, но из контекста понятно, что она всегда невинная, принадлежащая трудовому народу.

Список тех, кто повинен в пролитии крови, значительно меньше перечня жертв. В проанализированном материале встречаются как отдельные лидеры Белого движения (*Семёнов, кровавый Колчак, Колчак*), так и группы врагов (*палачи, враг, армия белая, продающие Сибирь, жалкая, минутная власть*). Индивидуальные образы виновных, в отличие от случая с жертвами, не характерны. Только один раз враг упоминался в единственном числе: это выступающий на стороне белых солдат, к которому представители Красного движения обращаются с предложением больше не проливать *родную кровь* и перейти на их сторону.

Описание жертв имеет сильное воздействие на слушающего, поскольку представлены преимущественно большие, порой гипертрофированные объёмы пролитой крови: она течёт *реками, ручьями, потоками*. Подобным образом изображается кровопролитие во время боя:

*Их трупы недвижно лежали
В различных местах по селу,
Потоками кровь лишь бежала,
Застыв на холодном снегу [2, с. 231].*

Если пролитие крови группой изображается чаще на уровне констатации и здесь важен результат, то индивидуальная потеря крови подробно описывается, значимыми оказываются страдания героя. Это преимущественно тяжёлое ранение, после которого он истекает кровью и умирает (*полилася кровь рекой, кровь лилась с ноги рекой, кровь лилась у него по шинели, и лежишь в крови, весь израненный, из раны алой кровь струится*). «Так как при восприятии художественного произведения эмоциональное сопереживание является основой смыслового анализа информации, осуществляется непосредственное воздействие на эмоциональную сферу реципиента, которое воспринимающим не осознаётся или осознаётся уже после прочтения текста. При этом оказывается влияние на потребностно-мотивационную сферу реципиента, происходит изменение в системе

мотивов, а, следовательно, и переструктурирование программы деятельности. К тому же под воздействием эмоций происходят содержательные изменения в ассоциациях, причём довольно отчётливые» [7, с. 107]. Таким образом, у слушателей и исполнителей песни возникает чёткое соотнесение себя с убитым или тяжело раненым героем.

В традиционном мировоззрении определённые участки земли обладали святостью или, напротив, считались нечистыми. М.С. Киселева утверждает: «...нечистая земля воспринимается как территория, на которой проливается кровь...» [5, с. 123]. В исследуемых песнях земля изображается осквернённой, выполняет вполне конкретную функцию: по ней текут потоки крови, она впитывает кровь (*место, облитое кровью, земля родимая вся в крови, кровью народной земля упивалась, кровью невинной залили / Красной Сибири поля* [2, с. 144], *край пролетарский, кровью залитый, горит во крови зелена долина, край свободный в крови рабочих затопить, по земле сочтётся кровь*).

Значимый для традиционной культуры образ матери-земли в песнях периода Гражданской войны нивелируется. Лишь в единственном примере земля олицетворяется:

*Мать-земля, ты в крови захлебнулася,
Ты от трупов людей задыхаешься* [2, с. 53].

Персонификация матери-земли, характерная для архаического мышления [4, с. 13], в песнях исследуемого периода трансформируется. Теперь это мать, страдающая от порождённых ею детей.

Кровь — жидкость, в которой *топят* значимые для трудового народа ценности — *Советы, святой идеал и свободу*. Если жертве даётся определение (надо сказать, что это происходит нечасто), то она непременно *невинная*. А это понятие в традиционной русской культуре всегда вызывает жалость, стремление наказать обидчика. Функция жертвы изредка сопровождается указанием на возобновление действия (*снова кровь так полилася, снова ужас, кровь*), осуществление действия в настоящее время (*теперь продолжает кровь литься*).

Особняком стоит функция жертвы, связанная с поглощением крови, что приписывается оппонентам, среди них: *бандиты, колчаковские паразиты, Семёнов с богачами, вампиры, русский богачей, царь, буржуи, тираны, стая воронов, ворон с японского моря*. Очевидно, что при описании кровопийц используются термины с экспрессивной оценкой. Чья же эта кровь? *Рабочего народа, народная, пролетарская рабочая, братьев суровой Сибири, измученных людей, мужика, русская*. Кровь *пьют, сосут, тянут*, её *напиваются*:

*И смерть нам не будет страшна,
Тираны повисли над нами,
Сосущие кровь* [2, с. 110].

Изредка делается акцент на продолжительности: кровь сосут *долго*. Показательно, что для песен Гражданской войны, так ярко позиционирующих пролитие крови как единственный путь достижения свободы крестьян и рабочих, не характерен мотив прекращения жертв. Среди проанализированных текстов было выявлено только две таких песни, например: *Довольно зла, довольно крови, / Ведь должен быть конец борьбе* [2, с. 37]. В другой очевидна идея благодетеля: жертвы прекращаются только благодаря большевикам:

*Кто так много пролил крови —
Это наш мужик,
Кто с него оковы сбросил —
Только большевик* [2, с. 64].

Вторая по значимости функция крови связана с оплатой (выявлено 28 песен). Итак, за что же должна быть заплачена эта цена — цена крови родных и близких, цена собственной крови? Безусловно, превалируют цели рабочего класса, общие цели. На первом месте — *свобода* или *свобода* в совокупности со вторым компонентом: *воля рабочих, воля народа, счастье народа*. Только в одном примере выявлен круг общих и личных целей. Девушка обещает отдать свою любовь только тому, кто будет бороться за свободу, и герой неоднократно участвует в битвах *за ту свободу и любовь*. Менее популярна оплата кровью *воли*: *за волюшку вольную, за волюшку крестьянскую*.

Ценной оказывается и возможность *потомкам свободно дышать*. Эта нацеленность на будущее — яркая черта песен периода Гражданской войны: сейчас нужно отдать самое важное, заплатить высокую цену ради того, чтобы жизнь стала лучше, в том числе и для последующих поколений.

Желанным результатом изображается *власть*: *власть Советов* или *власть Советская*. Крайне редко в песнях приводится перечень, содержащий более двух ожидаемых целей:

*Кровь прольём за власть Советскую,
Диктатуру пролетарскую
И за волюшку крестьянскую.
За вождя народов Ленина* [2, с. 120].

Среди общих целей упоминаются *царство труда, любовь*, которая должна *засиять*, отсутствие *тиранов*, сброшенное *рабство*, размытые *завесы неправды, жизнь народа*, которая станет *легче*, время, когда *не будет крови и насилия*, конкретный участок земли или неопределённый локус.

Следует сказать, что тех, ради кого проливается кровь, в песнях называют нечасто. Это как близкие рабочим и крестьянам (*рабочие, крестьяне*,

братья, потомки), так и — реже — известные личности (Ленин). Убитые братья ценой своей крови *купили потомкам своим коммунизм*.

Показательно, что не говорится о высокой стоимости жертвы. Думается, что подача информации на уровне констатации нивелирует личные интересы, значимость собственной жизни. При этом срабатывает принцип толпы: каждый делает то, что и остальные. Например, проливает кровь: *И как один прольём / Кровь мы за это* [2, с. 65]. Этот мотив — пролитие крови *как один* — неоднократно встречается в проанализированном материале. Акцентируется внимание на таких характеристиках, как достижение цели в осязаемом будущем (*Скоро тиранов не будет, / И засияет любовь* [2, с. 185]), значимость жертвы (кровь проливается *недаром*), наличие особого эмоционального состояния во время боя, связанного с достижением цели (в бой идут *смело*).

Лишь в одной песне обнаружено пролитие крови рабочими ради достижения цели представителей других социальных классов. Эта цель имеет привязку не к настоящему или будущему времени, а к прошлому. И оценка такой ситуации — сожаление:

*Кровь и жертвы на счастье властителей,
За дворян, за царя, за купечество,
Мы дрались <...>,
За свободу, за благо отечества* [2, с. 53].

В восьми песнях кровь связана с функцией мести, возмездия. За пролитую кровь мстят представители Красного движения. Она принадлежит *армейцу-брату, братьям*, это *кровь своих братьев, лучших вождей, жестоко замученных вами*, убитых жены и дочери. Не всегда обозначается принадлежность крови. Мечь будет реализована путём пролития вражеской крови. В тексты песен периода Гражданской войны входит видоизменённое известное изречение из Евангелия от Матфея: вместо *око за око, зуб за зуб* — *зуб за зуб и кровь за кровь* [2, с. 42], *за кровь армейца-брата / Заплатит кровью капитал* [2, с. 40]. За все перенесённые страдания должно наступить возмездие. И единственно верная его форма, как транслируется в песнях, — пролитие крови врага:

*Эти скалистые горы Сибири
Мы дворянскую кровью зальём* [2, с. 52].

В четырёх песнях кровь указывает на родство или выполняет функцию родства. Это может быть констатация реального родства (герой говорит о наличии у себя крови двух народов); родство по социальному признаку, выраженное через кровную связь (царство свободы будет создано для всех тех, *кто сильными руками / Творит разрушенное вновь, / Кто век трудится за станками, / В ком для меня родная кровь* [2, с. 48]). Вторая реализация функции — установление родства с кровью. Для военного фольклора

был характерен мотив нового родства воина с предметами, относящимися к военной сфере, например, для казака *сабля — сестра, трубка — жена* (пословица). В традиционной культуре не только свадьба приравнивалась к смерти, но и смерть описывалась как свадьба. Так, в казацкой песне конь, потерявший хозяина, на вопрос его жены о муже отвечает:

*— За Кубанью за рекой он женился на другой,
Что женила его пуля быстрая.*

<...>

Обвенчала его сабля вострая [11, с. 155].

Солдат, герой другой народной песни, велит коню передать его родителям:

*Не скажи ты, мой конь, что убит я лежу,
А скажи ты, мой конь, что женат хожу.*

<...>

*А жена у меня — гробовая доска,
А мать у меня — мать сырая земля* [9, с. 228].

В песнях периода Гражданской войны этот мотив реализуется следующим образом. Герой умирает от ран и просит коня передать на родимую сторонку:

*За отца у меня
Мать сыра земля,
А за мать у меня
Кровь горяча, тепла* [2, с. 215].

Возникает и мотив нового родства, не имеющего горестного финала: *Да будут наши плоть и кровь / Родные счастья и богатства* [2, с. 32].

Функцию выражения эмоций выполняет кровь партизан, чего не говорится относительно представителей Белого движения. Кровь красных *закипает* (2 песни), когда они слышат приказ выйти в путь, а также выражает горе, страдание (2 песни).

Лишь в единственном примере кровь выступает характеристикой возраста, причём это негативная оценка: старик, отправляя сына в поход, ссылаясь на старческую кровь и отсутствие амуниции, объясняет, почему не идёт вместе с ним на войну:

*Я бы тоже пошёл,
Кровь не греет меня,
Сабли острой нет
И второго коня* [2, с. 84].

Показательно, что кровь во всех многочисленных проанализированных примерах никогда не описывается как молодая.

Значимыми для мотивного фонда песен периода Гражданской войны являются и словосочетания с прилагательными, образованными от слова *кровь* (они встречаются чаще), и существительные (используются реже).

Кровавый бой — самое распространённое словосочетание в песнях исследуемого периода (в совокупности оно встретилось 16 раз). Такая характеристика боя указывает на значимость события. В нём участвуют две стороны. Агрессором выступают белые, но если инициатива приписывается красным, то тогда *кровавый бой* одобряется:

*А мы, рабочие России,
С красным знаменем в руках
Пойдём на бой, на бой кровавый
<...> [2, с. 32].*

Место — одна из характеристик *кровавого боя*. Он имеет привязку к географической региональной реалии или некоему локусу, который характеризуется через это значимое событие: бой может происходить *на Амуре, на реке, за Амуром есть то место, на Востоке, в той деревне, на холме забытом, под Богдатом есть то место*. Если агрессорами, инициаторами боя изображаются белые (*Враг озверелый и жестокий / Опять идёт на нас войной* [2, с. 56]), то завершают его — красные (*Когда окончим бой кровавый / С буржуазией мировой <...>* [2, с. 39]). В *кровавом бою* гибнет большое количество красных (*И погибли сорок восемь / Партизан-богатырей* [12, с. 211]) или смертельно ранены их лидеры (*Тогда ранен оказался / Журавлёв — наш верный вождь* [12, с. 215]), хотя оплакиваться может и смерть обычного человека (*Пал партизан в бою кровавом, / Он жизнь за Родину отдал* [2, с. 158]). Смерть павших в бою красных вызывает сочувствие. Смерть же белых не порождает негативных эмоций, она — желаемый и ожидаемый результат боя (*Строчат винтовки, пулемёты / И партизанов дружный строй / Врагов разит, за ротой роту* [2, с. 132]).

Цель *кровавого боя*, если она обозначается, всегда правая и состоит в том, чтобы достичь свободы [2, с. 32], *отдать долг своему народу, равным быть во всех правах, водрузить над миром трудовой пролетарский флаг*. Бой, кроме того что он *кровавый*, имеет ряд дополнительных характеристик. Он описывается с позиции интенсивности, динамики (он *кипит*, он *вновь кипит, разыгрался, жаркий, строчат винтовки, пулемёты, пули сыплются, как дождь, движутся бандиты*), получает звуковые характеристики (*шумит, гремит*). Память о нём продолжительна: его *будут помнить целый век*. В *кровавом бою* с одной стороны участвуют рабочие России, партизаны, а с другой — враги, мировая буржуазия, белые, бандиты.

Синонимичное словосочетание, однако реже используемое, — *кровавая битва*. Оно имеет уточнения, являющиеся признаками битвы: *кровавая битва жестокая и последняя*. Это событие характеризуется с позиции температуры: ему приписывается *горячее пламя*, которое *расплавит оковы*. Показательно, что к участию в кровавой битве призываются *храбрые бойцы*. С этой позиции участники *кровавого боя* не оценивались. Цель *кровавой битвы* — освобождение *от народных оков*. Если инициатива принадлежит красным, то битва оценивается положительно, если же красные терпят урон, например, гибнет их вождь, то она получает негативную оценку:

*В битве кровавой и в битве жестокой
Под Сретенском пал он [Журавлёв]
в неравном бою [2, с. 173].*

Кровавая борьба — ещё одно повторяющееся в песнях периода Гражданской войны словосочетание. Она характеризуется с позиции степени (*суровая*) и шума (ей присущи *раскаты*); будет продолжаться *до конца*, потому что её участники — красные — непреклонны:

*Мы научились побеждать всегда
И головы своей не склоним никогда [2, с. 34].*

Кровавая борьба связана со смертью её участников — красных: в ней героически гибнет отец [2, с. 223]; собственная гибель не должна страшить [2, с. 41]. Цель *кровавой борьбы*, как и в рассмотренных выше примерах, связана с альтруистическими амбициями, отречением от личных стремлений: она идёт *за рабочий строй*.

Кровавым палачом в проанализированных текстах именуется только два представителя Белого движения, занимавшие высокие руководящие посты: это А.В. Колчак и И.П. Калмыков. Колчаку в народных песнях приписываются *торговля Русью*, а также массовые убийства: он *вешал и стрелял*. Но его настигает народная месть, теперь он сам страшится тех, кто совсем недавно боялся его:

*Теперь уж он боится сам,
Что суд народный, скорый, правый
Плеть прибрал к своим рукам [2, с. 230].*

Колмыкова обвиняют в жестоких убийствах в поезде смерти. Там находят свой конец те, кто посвятили свою жизнь борьбе *за крестьян, рабочих право, / За свободу и любовь* [12, с. 217].

Другие слова с корнем «*кровь*», а также словосочетания с ними встретились в песнях один-два раза. Преимущественно они относятся

к представителям противоборствующей стороны. Их можно сгруппировать следующим образом. Во-первых, это наименования представителей Белого движения: они связаны с военной сферой и обозначают одного персонажа (*каратель кровавый, атаман кровавый*) или группу (*кровожадные враги, кровожадное войско, кровожадная рать, Антанта кровожадная*), имеют отношение к фауне (*кровожадные птицы, кровосос-паук, зверь кровожадный*), мифологическим образам (*вампир кровавый*), являются наименованиями людей, мучающих других (*палачи-кровопийцы, кровопийцы*).

Во-вторых, это понятие, связанное с боевыми действиями (*кровавый угар, кровавое сражение, кровавая схватка, кровавое возделенье, кровавый поход, кровавая расправа, кровавый покос, кровавые дела, кровавое дело*):

*То каратель Хмельёв
Усмиряет народ,
Свой кровавый поход совершает [2, с. 88].*

В-третьих, определение пространства (*кровавые поля, место, облитое кровью героев*). В-четвёртых, времени (*кровавые годы*). В-пятых, предметов, субстанций (*кровавый хмель (= напиток), кровавая добыча, кровавое золото*). *Кровавый* не всегда имеет отрицательную семантику. С *пятном кровавым* может сравниваться красный бант, его символика в этом случае — *кровь страны родимой* [2, с. 99]. *Кровная спайка* объединяет героев песни *со всемирной голытьбой* [12, с. 69].

Итак, выполненный анализ позволяет сделать ряд выводов. Мотив *кровь* является значимым компонентом семантического поля *Гражданская война* в песнях периода Гражданской войны. Этот мотив оказывал существенное психологическое воздействие на слушателей и исполнителей песен благодаря не только особой семантике, связанной со страданием и горем, смертью, но и большой частотности упоминания. Речевое воздействие исследуемого мотива связано с тем, что песенный мир обретает новые цвет и качество, которых в традиционном песенном фольклоре прежде не было: *кровавыми* именуются персонажи и их деятельность, *кровавыми* становятся география и предметные реалии. Таким образом песенный мир отражает, воспроизводит, транслирует в сознании слушателей и исполнителей новую для того времени историческую реальность — борьбу, разделившую единый народ на два полюса, работает на формирование стабильного восприятия изменившейся политической ситуации, закрепляет оценки представителей разных социальных классов и модель поведения в сложнейшей обстановке разрушения страны.

Кровь родных и близких, кровь своих в традиционном сознании представляла большую ценность, *пролитая кровь* — огромная жертва, *кровь невинных* требовала возмездия — все эти семантические компоненты активно использовались представителями Красного движения для того,

чтобы вызвать у русского народа заложенную традиционной культурой необходимость с оружием в руках защищать слабых, сообща отстаивать интересы коллектива. *Пролитая кровь своих* при этом указывала на врага, работала на создание негативного образа представителей Белого движения, которых требовалось уничтожать без рассуждений. Показательно, что собственная жизнь транслировалась как малоценная, значащая меньше, чем эфемерные идеалы, навязываемые русскому народу извне. Песни периода Гражданской войны, благодаря активно используемому лексико-семантическому приёму речевой манипуляции, в котором значительное место отводится часто употребляемому мотиву *кровь*, не только поднимали боевой дух народа, но и способствовали формированию восприятия как единственно верной политической позиции Красного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бармина Е.А. Информационная война в лингвистическом аспекте // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы науч.-практ. конф. / под ред. Е.А. Барминой, О.А. Москаленко. Севастополь: ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2016. С. 4–9.
2. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
3. Даль В.И. Кровь // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. С. 196–197.
4. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 26 с.
5. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВФУ, 2012. 217 с.
6. Колистратова А.В. Фольклорный дискурс: о некоторых лингвистических признаках манипуляции сознанием (на материале англо-американских фольклорных текстов) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 4 (6). С. 81–85.
7. Логинова Н.А. Текстовые факторы языковой суггестии // Филология и человек. 2010. № 1. С. 105–111.
8. Письма к противнику. Письмо первое. Лист 191, 15 ноября 1864 г. // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Лондон-Женева: Вольная русская типография, 1857–1867. Лондон, 1864. Вып. 7. Факсимильное издание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 1566–1572.
9. У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л. Свиридова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 255 с.
10. Уджуху Д.М., Осипов Г.А. Тактики реализации принципа суггестии в рекламной коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2 (217). С. 132–137.
11. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: ДВГУ, 1986. 288 с.
12. Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО РАН, 1969. 364 с.

REFERENCES

1. Barmina E.A. Informatsionnaya voyna v lingvisticheskom aspekte [The Information War in the Linguistic Aspect]. *Gumanitarnye chteniya "Svobodnaya stikhiya"*: materialy nauch.-prakt. konf. [Humanitarian Readings "Free Element": Materials of Scientific and Practical Conference]. Ed. by E.A. Barmina, O.A. Moskalenko. Sevastopol, FGAOU VO "Sevastopol'skiy gosudarstvennyy universitet" Publ., 2016, pp. 4–9. (In Russ.)
2. *Geroicheskaya poeziya grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 337 p. (In Russ.)
3. Dal' V.I. Krov' [The Blood]. *Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. [Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vol.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999, vol. 2, pp. 196–197. (In Russ.)
4. Kiseleva M.S. *Yazycheskiye i khristianskiye predstavleniya o zemle v fol'klore i drevnerusskoy literature*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Pagan and Christian Ideas about the Earth in Folklore and Old Russian Literature. Author's abstract of the PhD in philol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2012, 26 p. (In Russ.)
5. Kiseleva M.S. *Yazycheskie i khristianskie predstavleniya o zemle v fol'klore i drevnerusskoy literature*: dis. ... kand. filol. nauk [Pagan and Christian Ideas about the Earth in Folklore and Old Russian Literature. PhD in philol. sci. diss.]. Vladivostok, DVFU Publ., 2012, 217 p. (In Russ.)
6. Kolistratova A.V. Fol'klornyy diskurs: o nekotorykh lingvisticheskikh priznakakh manipulyatsii soznaniem (na materiale anglo-amerikanskikh fol'klornykh tekstov) [Folklore Discourse: on Some Linguistic Signs of Manipulation of Consciousness (Based on English-American Folklore Texts)]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, 2011, no. 4 (6), pp. 81–85. (In Russ.)
7. Loginova N.A. Tekstovyye faktory yazykovoy suggestii [Textual Factors of Language Suggestion]. *Filologiya i chelovek*, 2010, no. 1, pp. 105–111. (In Russ.)
8. Pis'ma k protivniku. Pis'mo pervoye. List 191, 15 noyabrya 1864 g. [Letters to the Enemy. The First Letter. Sheet 191, November 15, 1864]. *Kolokol. Gazeta A.I. Gertseny i N.P. Ogareva*. London-Zheneva: Vol'naya russkaya tipografiya, 1857–1867. London, 1864. Vyp. 7. Faksimil'noye izdaniye [Bell. Newspaper A.I. Herzen and N.P. Ogareva. London-Geneva, Free Russian Printing House Publ., 1857–1867, London, 1864, vol. 7. Facsimile Edition]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1963, pp. 1566–1572. (In Russ.)
9. *U klyuchika u gremuchego: Dal'nevostochnyy fol'klor* [At the Rivulet at the Thundering: Far Eastern Folklore]. Comp. by L. Sviridova. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo Publ., 1989, 255 p. (In Russ.)
10. Udzhukhu D.M., Osipov G.A. Taktiki realizatsii printsipa suggestii v reklamnoy komunikatsii [Tactics of Implementing the Suggestion Principle in Advertising Communication]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, series 2 "Filologiya i iskusstvovedeniye", 2018, no. 2 (217), pp. 132–137. (In Russ.)
11. *Fol'klor Dal'nerech'ya* [Folklore of the Dalnerechie Region]. Comp. by L.M. Sviridova. Vladivostok, DVGU Publ., 1986, 288 p. (In Russ.)
12. *Fol'klor kazakov Sibiri* [Folklore of the Cossacks of Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov, I.Z. Yarnevsky. Ulan-Ude, Buryatskiy filial SO RAN Publ., 1969, 364 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 15.04.2020